

В.С.КОРОТКЕВИЧ ТА О.А.НАЗАРЕВСЬКИЙ: ЛИСТУВАННЯ

У 1990 р. виповнилося 60 років від дня народження відомого білоруського письменника, псета, драматурга, кіносценариста Володимира Семеновича Короткевича (1930–1984). Його історичні романи та повісті “Колосья под серпом твоим”, “Дикая охота короля Стаха”, “Черный замок Ольшанский”, “Христос приземлился в Гродно” та інші добре відомі не лише нашому, а й зарубіжному читачеві. З успіхом пройшли на екранах кінотеатрів гостросюжетні фільми за його сценаріями.

Україна займала важливе місце у біографії Короткевича. Тут пройшла його студентська юність, тут він вивчав українську поезію та літературу, слухаючи лекції видатних учених-літературознавців О.І. Білецького, С.І. Маслова, О.А. Назаревського, тут написав перші поетичні рядки. Почав свій трудовий шлях, учителюючи на Київщині.

У особистому архівному фонді видатного вченого-філолога, професора Київського університету Олександра Адріановича Назаревського зберігаються листи В.С. Короткевича, автографи його віршів білоруською мовою (“Зимняя элегия”, “Матчына душа”, “Начлег”, “Прарок Героним Босх”), любительські фотографії, відгуки на студентські роботи письменника [ф. 78, од. зб. 41, 802–831].

Тепла дружба зв'язувала цих різних за віком людей протягом довгих років. Почалася вона ще за часів студентства Короткевича, коли він навчався на російському відділенні філологічного факультету Київського університету (1949–1954) і слухав чудові лекції О.А. Назаревського з історії російської літератури. Із захопленням працював Короткевич у його спецсемінарі по вивченню “Слова о полку Игореве”, писав перші наукові праці, які дістали схвальну оцінку професора.

“...Вы были одним из немногочисленных светлых пятен в университете в то жесткое время. Не будь Вас – мне и таким, как я, было бы в нашей

восьмиколонной alma mater много тяжелее... Слушал у вас спецкурс по “Слову”, остался навсегда влюблен в него, – пише він Олександрю Адріановичу у листі від 20 вересня 1957 р. [ф. 78, од. зб. 802, арк. 1]. Назаревський був і науковим керівником дипломної роботи В.С. Короткевича – “Социальная сатира в русской народной сказке”. У своєму відгуку він зазначав: “...автор обнаруживает большую начитанность как в сказочных текстах, так и в исследовательских работах о них, способность самостоятельно разобраться в сложном материале, критически относиться к готовым, ранее высказанным суждениям, делать самостоятельные наблюдения и выводы. В работе хорошо раскрыта роль и значение социальной сатиры в русской народной сказке как острого оружия в классовой борьбе крестьянства и рабочих против своих эксплуататоров. Дипломное сочинение т. Короткевича заслуживает самой высокой оценки” [ф. 78, од. зб. 41, арк. 1]. Назаревський рекомендував Короткевича в аспірантуру. Майбутній письменник підготував і здав до прийомної комісії 3 реферати – “Сказки о барах в русском фольклоре”, “Анчар” Пушкина и “дрэва смерці” в белорусском фольклоре” та “Официозная литература первых лет после восстания 1863 г. в Польше”. Збереглися і відгуки на них Назаревського: “...Все три представленных реферата в достаточной мере обнаруживают у их автора хорошую начитанность в литературе, связанной с тематикой его работ, умение разобраться в этой литературе и критически относиться к ней, самостоятельность многих суждений. Полагаю, что у Короткевича есть все данные для того, чтобы вести самостоятельную исследовательскую работу, то есть то, чего мы требуем от лиц, поступающих в аспирантуру, и стремимся развить у тех, кто уже является нашими аспирантами” [ф. 78, од. зб. 48, арк. 1–1зв.].

Однак мрія Короткевича не здійснилася: “... Я не оправдал Ваших надежд, хотя не по своей вине, – пише він Назаревському 20 вересня 1957 р. – Отработал я тогда в глухом селе на Киевщине два года и перебрался на родину, в Оршу. Это не значит, что я сложил оружие... Теперь уже можно сказать, что я чего-то добился. Я стал серьезно писать, печататься, стал членом Союза писателей, лауреатом всебелорусского фестиваля по поэзии” [ф. 78, од. зб. 802, арк. 1].

Творчість В.С.Короткевича народилася з активного освоєння ним історії білоруського народу, якою він почав цікавитися ще зі студентської лави, використовуючи її у наукових працях, а згодом – при підготовці дисертації (темою для неї був обраний визвольний, антикріпосницький рух, що охопив Білорусію у 1861–1864 рр.). За образним висловом білоруського прозаїка та літературознавця А.Адамовича, Короткевич

здійснив прорив у історію свого народу, створив на її матеріалі вірші, есе, п'єси, романи, повісті, оповідання.

30 листів Короткевича до Назаревського – своєрідний хронологічний звіт про перше десятиліття його творчої діяльності (1957–1967), у якому репрезентована історія створення, підготовки та виходу у світ двох збірок віршів – “Матчына душа” (1958), “Вечерние паруса” (1960), першої збірки повістей та оповідань “Блакить і золото дня” (1961), романів “Нельзя забыть” (1962), “Леониды не вернутся на Землю” (1963), “Колосья под серпом твоим” (1968), п'єс та кіносценаріїв – “Чуть подальше месяца” (1960), “Кастусь Калиновский”, “Христос приземлился в Гродно” (1965) та багатьох інших.

Багатожанровість, виключна інтенсивність творчої діяльності Короткевича викликали стурбованість у Назаревського. “... Дорогой Александр Адрианович, – відповідає йому Короткевич, – Вы отчасти правы. Многие говорят мне, что я разбрасываюсь, когда узнают о стихах, пьесе и романе, над которыми я работаю почти одновременно. Но я должен спешить. Жизнь не так уж длинна, а здоровье у меня неважное...” [ф.78, од. зб. 803, арк. 1]. І він поспішає: “... Посылаю Вам пока что два перепечатанных на машинке моих стихотворения. Это “Ночлег” (“Ночное”) и “Матчына душа” (“Душа матери”) [ф. 78, од. зб. 804, арк. 3–7]. Второе будет открывать мой сборник, который выйдет в будущем году... Название будет у книги “Матчына душа”... На очереди очередная историческая пьеса (XVI столетие), в которую возьму некоторые элементы средневековых белорусских пьес, и сатирическая комедия на современные темы...” [ф. 78, од. зб. 804, арк. 1, 1зв.]. 1 грудня 1957 р.: “...Вот сейчас взялся за повесть, которая должна войти в цикл “Семейные предания рода Яновских, или история рождения в мир, существования и упадка белорусской шляхты. Двенадцать жалостных, слезных, веселых и ужасающих повестей, списанных частью с документов, частью по свидетельству многих лиц, Андреем Белорецким”. Повесть называется “Дикая охота короля Стаха”. Кажется, получается, и я ее скоро кончу” [ф. 78, од. зб. 8043, арк. 1зв.].

1959–1962 рр. – Короткевич у Москві, навчається на Вищих літературних та Вищих сценарних курсах. 3 січня 1959 р. він пише з Москви: “...Я в Москве на литературных курсах при институте им. Горького. Приехал на два года. Стал чувствовать, что учительская работа вредит писанию, что отстал, что может это плохо кончиться” [ф. 78, од. зб. 805, арк. 1]. “...Много читаю и пишу... За этот год написал вторую книгу стихов и сегодня отправил ее в Минск своему редактору (выйдет она в начале 1960 года), подготовил на 1961 год большую книгу рассказов

и маленьких повестей, – пише він 22 серпня 1959 р. – Сяду за то, для чего подбираю материал, за большой роман... Первая книга будет... о 18/63–18/64 гг. Название временное “Колосья под серпом твоим” (это из белорусского присловья о родине: “быть тебе серпом, а мне колосом”. Самое сложное у меня лично всегда начало. И начало пришло этим летом, когда рыбачил на среднем Днепре, у Рогачева” [ф. 78, од. зб. 807, арк. 1]. У цьому ж році закінчив другу п’єсу: “...отдал читать драматургу Макаенку свою вторую пьесу. Название “Чуть подалее месяца”... это один из традиционных белорусских сказочных зачинов – “чуть подалее месяца, чуть поближе солнца, в некотором краю и т.д.”, почти то же, как если бы я назвал эту пьесу “В некотором царстве”. Как будто получилось ново и довольно интересно. Только, боюсь, не слишком ли зубасто” [ф. 78, од. зб. 809, арк. 1зв.].

По закінченні Вищих літературних курсів Володимир Семенович повертається до Орші, звідки 28 червня 1960 р. пише Назаревському: “...Заэто время окончил свои курсы на круглые “отлично”... Надо начинать какую-то новую жизнь (в школу не пойду), а какая она будет, бог знает... Вызывают в Минск. Пока на два месяца прикрепили консультантом к съемочной группе, которая делает фильм по моему сценарию... Это будет киноновелла...” [ф. 78, од. зб. 810, арк. 1]. Влітку він продовжує роботу по підготовці збірки прози, про що свідчить лист від 26 серпня: “... Очень не хочется с первым сборником осрамиться. Войдут в него с десяток рассказов, в том числе “В шалаше”, “Письма не опаздывают никогда”, “Как низвергаются идолы”, “Летучий голландец”, “Дыхание предков”, “Посмертная история одного тетерева”, “Славяне”, “Идиллия в духе Ватто”. И еще две маленькие исторические повести: “Седая старина” и “Цыганский король” [ф. 78, од. зб. 811, арк. 1]. У квітні 1961 р. Короткевич розповідає у листі про нову історичну повість: “В апреле выходит в журнале “Полюмя” историческая повесть “Роман Ракута” о крестьянском восстании незадолго до великой мужицкой войны 17 столетия... Очень хочется сделать вот что. Один ученый обещает мне очень полно подобранный материал о Вячко, князе полоцком, человеке, который насолил крестоносцам, пожалуй, поболее Александра Невского. Хорошо бы написать большой роман... Так бы завелся – только исписанные страницы летели бы” [ф. 78, од. зб. 813, арк. 1–1 зв.]. “... Очень много работы, и я, кажется, порядком устал, – скаржитесь він Олександрю Адріановичу і у той же час із захопленням пише про роботу над великим соціально-історичним та філософським романом “Колосья под серпом твоим”. Народне повстання 1862 р. у Білорусії, ватажком якого був Кастусь Калиновський, стає основною темою його наступної книги:

“... А сейчас еду до 20 мая в Рогачев работать над новыми темами. Есть у меня замысел нового романа и есть заказ. “Жизнь замечательных людей” заказала мне в середине следующего года книгу биографическую о Кастусе Калиновском. Буду писать. Хочу этот дебют на русском языке сделать лучше всего прежнего” [26 квітня 1962 р., ф. 78, од. зб. 815, арк. 1зв.].

Гоніння М.С.Хрущова на художників-абстракціоністів та молодих поетів не обійшли стороною й Короткевича. 25 квітня 1963 р. він пише О.А. Назаревському: “...Прошли дни, заполненные большой работой и большими неприятностями... Время трудное, дорогой Александр Адрианович. Это черти абстракционисты – я их, кстати, не упрекаю, их дело – сотворили такое, что и твердо думающему реалисту стало трудно жить... В общем, начали тут у разных белорусских недоумков проскальзывать нотки, что, мол, в некоторых стихах Короткевича тоже можно под микроскопом заметить “формалистические” выверты. Ругают меня, впрочем, не за это, а за то, что уважал чужие поиски, писал об этом в статьях и романе (“Леониды не вернуться на Землю”)" [ф. 78, од. зб. 818, арк. 1]. Неприємності продовжувалися: “... Дела у меня все эти месяцы шли вкривь и вкось и окончились, в общем, ерундово. Это во всем, что касается романа “Леониды не вернуться на Землю”. Читали его все, кому не лень, от цензуры до ЦК, и никто не хотел взять на себя разрешающей ответственности... Словом, инкриминировали мне “абстрактный гуманизм”, “пацифизм” и прочую ерунду. Как будто теперь, когда все человечество можно стереть с лица земли за пару часов, оно, человечество, может позволить себе роскошь во имя тех или иных соображений быть непримиримым, нетерпимым, ждать войны, как манны небесной... Все люди теперь понимают: нельзя жить, если не будешь терпим. Нельзя, борясь с идеей другого, мечтать о физическом уничтожении носителя этой идеи. Нельзя, потому что его смерть – это и моя смерть... А работники издательства режут роман... Рассыпали уже и набор” [20 листопада 1963 р., од. зб. 821, арк. 1–1зв.].

У короткому огляді ми лише побіжно торкнулися основних тем листування. Дослідник знайде у них багате джерело не тільки для висвітлення творчості В.С.Короткевича, але й матеріали для вивчення культурних та літературних зв'язків двох братських слов'янських народів – білоруського та українського.

Нижче наводимо публікацію двох найбільш цікавих листів В.С. Короткевича, що віддалені один від одного майже десятиліттям. Першого написано на початку творчого шляху, другого – у розквіті таланту і читацького визнання.

---

17 ноября 1959 г. (Орша)

Дорогой Александр Адрианович!

Я был очень рад, получив от Вас ответ, на который никак не надеялся. Ведь прошло несколько лет, и столько студентов за эти годы Вы воспитали. Спасибо Вам за память обо мне. Я несколько задержался с ответом на Ваше письмо. Начальство мое действует по принципу: “Кто везет, того погоняют”. Поэтому оно нагружает меня разными пустыми, но тяжелыми делами, что трещит хребет. Работаю так, что на сон уходит в сутки часов пять-шесть. И, главное, я настолько привык работать, что мне не хочется спать больше. Вы просили меня отвечать Вам “время от времени”. Вы знаете, я так не могу, особенно с людьми, которые мне глубоко дороги и глубоко меня интересуют. Я предпочитаю от них получать “время от времени” письма. Тем более, что я понимаю, как Вы заняты, дорогой Александр Адрианович. Пусть будет так: я отвечаю на письма сразу, а Вы – когда будет время и желание, когда Вам будет удобно, когда Вы вспомните о своем скромном ученике. Этим самым будет, до известной степени, соблюдено равновесие.

Сейчас поздняя ночь. Днем я провел 6 уроков, потом проверил три пачки тетрадей, вскопал часть огорода, подготовился вечером на следующий день и окончил главу романа. Работаю как черный вол, и просветления от этой работы не предвидится. А сейчас уже ум за разум зашел, и поэтому извините меня за скверный стиль, ошибки и массу помарок.

У нас сейчас довольно одиноко, ночи большие и черные. Когда выйдешь в такую ночь на берег Днепра, он вздыхает в темноте. Немного напоминает о юге, об университете – только куст винограда в вазоне и два киевских каштана, которые я вывез совсем детенышами и посадил под окнами. Словом, я сейчас как Всеслав. В Софии зазвонили, а он в Полоцке тот звон чуял. Помните чудесное стихотворение Бунина:

Что ж теперь, дорогами глухими,
Воровскими в Полоцк убежав,
Что теперь, вдали от мира, в схиме,
Вспоминает темный князь Всеслав?
Только звон твой утренний, София,
Только голос Киева! Долга
Ночь зимою в Полоцке... Другие
Избы в нем, и церкви, и снега...

Далеко до света, – чуть сереют
 Мерзлые окошечки... Но вот
 Слышит князь: опять зовут и млеют
 Звоны как бы ангельских высот!

Много горя перенесли я и мои друзья в Киеве в эти проклятые годы, и все же они останутся навсегда нам дорогими.

Не знаю, чем мне отблагодарить Вас за все, дорогой Александр Адрианович, пока что пошлю Вам свое стихотворение “Зимняя элегия”. Стихотворение очень слабенькое, но оно из последних. А как выйдет книга – непременно пошлю. Я ездил недавно в Минск и подписал на нее договор. Название будет, кажется, “Душа матери”. Издана будет тиражом 8000 экземпляров. А вот раскупаться, наверное, не будет, слишком уж специфические стихи. Будет иметь успех разве что у студенческой молодежи.

Вы не поняли меня, а я, должно быть, неверно выразился. Я сказал, что Вы дали моей работе о “Слове” “снисходительную” оценку не в том смысле, что она, эта работа, была недостойна такой оценки, а Вы снизили до моей работы.

Дорогой Александр Адрианович, Вы отчасти правы. Многие говорят мне, что я разбрасываюсь, когда узнают о стихах, пьесе и романе, над которыми я работаю почти одновременно. Но я должен спешить. Жизнь не так уж длинна, а здоровье у меня неважное. Так уж лучше сразу его растратить. Кроме того, если бы Вы посмотрели на положение белорусской литературы, вызывающее слезы горькие, Вы, наверное, думали бы так же, как я. Каждый человек на счету, каждый, кто может, должен сделать. С поэзией, в которой я дебютировал, как раз благополучно, она едва ли не лучше современной русской поэзии, но проза младенческая, драматургия – пренелепая, кино своего нет (нет сценариев). Словом, нет почти ничего. Разве виноват я, дорогой Александр Адрианович, что чувствую способность сделать многое из необходимого? А необходимо многое, едва ли не писать настоящие учебники по литературе, потому что учебники у нас такие скверные, что только отвращение и могут поселить в душе ребенка.

Легче перечислить то, что не нужно нам, но все же попробую перечислить. Нужны стихи, нужен сборник обработанных народных легенд для юношества (представляете, фольклора своего не знают), нужны поэмы, роман в стихах, нужна историческая беллетристика (такие прекрасные сюжеты есть в нашей истории, а они лежат втуне), нужны исторические пьесы, либретто для опер (композиторы испытывают хронический, ничем ненасытный голод), обязательно нужны биографии

знаменитых людей: Тяпинский, Симон Будный, Михаил Кричевский, Василь Воцила, Кастусь Калиновский и т.д. (в духе Плутарха), непременно нужны сценарии. Необходим очень художественно написанный путеводитель по Белоруссии, где описания знаменитых местностей чередовались бы с впечатлениями от них, со стихами, характеристиками личностей, историей, современными выпадами, рассуждениями. Необходимы переводы (жаль, что я так скверно знаю языки). Необходима, наконец, книга по белорусскому искусству и обязательно необходима популярная книга по теории литературы, не менее художественная, но более научная, чем “Золотая роза” Паустовского. Да разве все перечислишь!

Белорусская литература сейчас в таком приблизительно положении, как русская до Грибоедова. То же “чужевластие мод”, то же младенчество в суждениях, та же относительная беспомощность. Нужны люди. И пусть я простой дилетант, я все же хочу быть полезным хотя бы как дилетант, как простой популяризатор. Вот сейчас напишу этот роман и потом, не оставляя стихов, возьмусь за серию из целого десятка романов под названием общим “Век”, в которых попытаюсь рассказать о белорусском обществе за сто лет (с 1863 года), о его трагедии и возрождении. Пусть это не будет что-то ценное, но пусть это будет кладовая, из которой всякий, кто захочет, сможет легко и с удовольствием черпать факты. Этого для меня будет достаточно. Вот и все о себе.

С аспирантурой у меня тогда не вышло. Минимум я сдал два года назад, с диссертацией дело идет туго. Сколько лет ее можно писать “прикрепленному” к кафедре? Если вы знаете, то может быть напишете мне. А насчет того, чтобы соединить литературоведение с литературной работой – меня на это хватит. И спасибо Вам за помощь, за теплое слово. Конечно, я для Вас всегда “Володя”. А отчество мое (для конверта) Вы написали правильно. Спасибо за номер газеты. Так и повеяло на меня родным, хотя знакомых имен я в ней почти не встретил.

Как идут Ваши дела, дорогой Александр Адрианович, как здоровье и работа? Мне кажется, 70 лет это не помеха. Вы крепкий человек. Моему отцу, например, за 70, а он достаточно крепок. И поверьте, если здоровье и долголетие человека зависит от желания любящих его людей, то Вы, по моему желанию, проживете еще столько же и будете здоровы.

Буду кончать, уже 4 часа утра, и письмо вышло скомканным, не таким теплым, как мне хотелось бы. И все оно обо мне, а это признак дурного тона.

Желаю Вам всего-всего доброго.

Ваш ученик Владимир.

19 июля 1964 г.

Дорогой Александр Адрианович!

Наконец-то собрался подать Вам о себе весточку. Сумасшедшие прямо какие-то были весна и июнь. Только теперь (и тоже случайно) выкроил себе от работы пару дней. В марте много сидел в виленских архивах. Потом в громадной спешке шлифовал первый том “Колосьев под серпом твоим...” (решил пока отдать в журнал только первый том, чтобы меньше сократили), и еще писал статью-обзор белорусской поэзии последнего года для львовского “Жовтня”, а для своего “Полымя” – статью о львовском поэте В. Лучуке. Пришлось еще вычитывать для “Беларусі” рассказ и править для “Младосці” повесть, которую они хотят давать с продолжениями, начиная с сентября. В общем, отбиваюсь, как лев, и рассчитываю расплатиться с долгами, которые у меня появились, когда зарезали предыдущий роман “Леониды не вернутся на землю”, и вздохнуть немного и работать спокойнее, без особой спешки.

А потом научно-популярная наша студия приняла мою заявку на двухчастевый фильм о деревьях-исполинах. Будет такая небольшая философско-поэтическая вещь: деревья-свидетели, деревья-организмы, деревья-государства.

И пошел я, вместе с оператором и шофером, на студийном “козле” колесить по республике.

Сначала в Новогрудок, потом на Свитязь, оттуда в Ворончу, где восьмисотлетний дуб, потом в Тугановичи, где древние липы и “беседка Марыли Верещаки”, первой любви Мицкевича. Оттуда на Щорсы, где в аллее 250-летних лип, посаженных Хрептовичем, нас едва не убило (люди валили разбитое молнией дерево, а мы снимали это с самой выгодной точки: падение на аппарат). Отошли в последний момент, а верхушка рухнула как раз на место, где до этого стоял штатив “конваса”. Были у дуба “Тражины” в Щорсах, у тополя Наполеона по дороге от Любчи на Новогрудок.

Чуть позднее двинулись на озерный край, под Полоцк. А совсем недавно поехали на Мозырь–Лельчицы–Даниловичи. Возле последней деревни стоит, километрах в трех, в чаще тысячелетний (да еще и с белорусским “гаком”) “дуб Кривошапки” (белорусский соратник Хмельницкого), или его еще называют царь-дуб. Снимали еще и разбитые грозой деревья, и деревья странные и необычные. Пишу Вам с дороги. Она еще длинная. Не меньше двух рейдов нужно сделать. В Минске буду в сентябре.

Может быть на октябрь поеду в дом творчества в Ялту или Коктебель. Если поеду, то на обратном пути остановлюсь дня на три–четыре в Киеве.

Ездить хорошо. Стоят жаркие дни с довольно частыми грозами. Я отдыхаю от сидения за столом и от работы. Не той, которая приносит удовольствие и которую считаешь важной, а той, что делаешь походя, не отдавая ей всей души.

Переводчик наш один ездил в Чехию, видел напечатанный в газете пролог к моему роману “Колосья под серпом твоим” и сообщение, что весь роман выйдет отдельной книгой тогда-то. Съехидничал, сказал, что у нас роман отдельно еще не вышел. Чехи, молодцы, пожали плечами и сказали, что у нас с ними разные критерии, и они не собираются руководствоваться нашими, тем более, что многие из признанных у нас книг они не переводят и не собираются. И привели в пример “Тронку” Гончара.

Если напечатают – это будет щелчок по носу нашей минской издательской публике. Молодцы, чехи!

А как у Вас? Как здоровье, работа, где отдыхаете?

Несказанно рад буду получить от Вас весточку.

Ваш В. Короткевич.